

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930.1

doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.29-36

МАРК ФЕРРО И ФРАНЦУЗСКАЯ ШКОЛА ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

И.К. Калимонов, В.Е. Туманин, Э.И. Камалетдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена одному из аспектов научной деятельности Марка Ферро, известного французского историка XX в., являвшегося ответственным редактором журнала «Анналы» и одновременно соредактором журнала современной истории “Journal of Contemporary History”, что обосновывало выход его творчества за пределы привычного для «Анналов» поля исследований. В отличие от публиковавшихся в «Анналах» историков, занимавшихся историей Средневековья и Нового времени, М. Ферро выступил одним из пионеров исследования современной истории во Франции. Именно данный аспект развития исторической мысли явился предметом исследования настоящей статьи. Как ученик П. Ренувена, М. Ферро развивал направление истории международных отношений. П. Ренувен и М. Ферро критически подошли к оценке роли менталитета в исторических изменениях. В статье рассмотрен предложенный ими подход к исследованию мира представлений как фактору, отражающему проявление динамики изменения мира представлений людей в изменении международной ситуации. На основании анализа их творчества сделан вывод, что недостаток традиционных для школы «Анналов» подходов – это стремление к универсализму, становящемуся источником непонимания многих современных процессов, с которыми Запад имеет дело в бывших колониальных странах.

Ключевые слова: международные отношения, зарубежное регионоведение, М. Ферро, школа «Анналов», история исторической науки, европоцентризм

Марк Ферро был одним из наиболее известных французских историков XX в., который в отличие от большинства современных ему представителей исторической школы «Анналов» больше тяготел к исследованию проблем новейшей политической истории. Этим объясняется появление таких его работ, как «История колонизации от завоеваний до независимости (XIII – XX века)» (Fer1), «Табу в истории» (Fer2) и ряда других. В упомянутых работах очевиден отход от изучения социальных структур в сторону мира представлений, которые тем или иным способом определяют целеполагание человека. Это отражает тенденцию в историописании, сложившуюся под влиянием философской герменевтики как одного из влиятельных интеллектуальных течений в западной науке. Социальные структуры в данном случае не игнорируются, но принимаются как часть цельного образа реальности, позволяющего применять основной принцип герменевтики для объяснения целеполагания конкретных людей в конкретной ситуации, объяснять

часть из целого. Подобный подход позволяет интегрировать подходы социальных наук, воспроизводящих парадигму естественных наук (объяснение через закон) и гуманитарного знания, ориентированного на изучение единичного и неповторимого, связанного с пониманием поведения человека в определенной ситуации. Отсюда следует интерес М. Ферро к процессам формирования исторической памяти, к использованию вторичных источников, феноменологии восприятия событий. В творчестве М. Ферро отразились идеи Пьера Бурдьё (о формировании образов мира)¹, Клода Леви-Стросса (о мифологическом сознании)², Поля Рикёра (о нарративном повествовании)³, Мишеля Фуко (о связи власти и знаний)⁴, Томаса Лукмана и Петера Бергера (о конструировании социальной реальности)⁵ и многих других.

Такой подход был обусловлен попытками преодоления сциентизма в социальных науках при сохранении опоры на поиск объективных связей, ограничивающих возможности воображения человека, влияющих на формирование поля опыта и горизонта ожидания людей в различных исторических ситуациях. В этом случае любое историческое событие рассматривается с позиций поиска истоков того, как формируется направленность мышления. Само историческое событие и его изучение при этом становятся в прямую зависимость от социальной среды, окружающей историка. Главный посыл – признание факта, что мы воспринимаем объективную реальность как таковую настолько, насколько мы ее знаем на текущий момент, то есть момент, в котором находится сам исследователь. Смысл исторического знания в том, что оно придает статус рабочих тем или иным представлениям, принятым за основание для человеческих действий. Признавая, что человеческие представления, из которых складывается направленность мышления, формируются в процессе материальной деятельности, все же следует также признать, что исходной точкой для принятия человеческих решений являются сами представления, а не то, что их формирует. Иначе говоря, следует признать, что нет прямой связи между экономическими или социальными реалиями и поведением людей. Связь существует опосредованная, когда множественность знаний удерживается с помощью специальных знаковых конструкций объекта. Единственным способом проверить истинность этих конструкций является социальная практика. Именно поэтому историческое знание ретроспективно по своему характеру и должно опираться на социальные теории, которые можно проверить современной социальной практикой.

На протяжении длительного времени М. Ферро активно сотрудничал с создателем французской школы истории международных отношений Пьером Ренувеном (1893–1974), и его первые научные статьи были опубликованы в журнале “Cahiers du monde Russe et Soviétique” («Тетради русского и советского мира») под редакцией П. Ренувена, в котором ставились проблемные вопросы

¹ См., например, Bourdieu P. *Sociologie de l'Algérie*. P.: Presses universitaires de France, 1958. 128 p.

² См., например, Lévi-Strauss C. *Introduction à l'oeuvre de Marcel Mauss // Mauss M, Sociologie et Anthropologie*. Paris: PUF, 1950. P. I – LIII.

³ См., например, Рикёр П. *История и истина*. СПб.: Алетея, 2002. 400 с.

⁴ См., например, Фуко М. *История безумия в классическую эпоху*. М.: АСТ МОСКВА, 2010. 698, [6] с.

⁵ См., например, Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge*. N. Y.: Anchor Books, 1966. 240 p. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Пер. на рус. яз. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

политической истории. На протяжении ряда лет совместно с историком Жаном-Батистом Дюрозелем (1917–1994) П. Ренувен разрабатывал собственную концепцию политической истории и форм ее влияния на исторический процесс, которая стала известна в науке как концепция “*forces profondes*” («глубокие силы») [1, p. 4].

Согласно этой концепции, исследование внешней политики, дипломатических отношений, исторических событий и поведения конкретных людей должно вестись во взаимосвязи с общей картиной, которую создают совместными усилиями социальные и естественные науки. Эта картина должна отражать влияние объективных факторов (географическое положение, миграционные процессы, экономические мотивы действий, социальные структуры, политическая культура). В то же время общая картина не может считаться завершенной без учета субъективного фактора – виртуальной реальности, предполагающей два обстоятельства, о которых писал немецкий историк Рейнхард Козеллек (1923–2006): «поле опыта» и «горизонт ожидания» [2, S. 36]. Именно такой подход лег в основу работ М. Ферро «История колонизаций от завоеваний до независимости (XIII – XX века)» (Fer1), «Табу в истории» (Fer2), «Великая война» (Fer3).

Размышляя о Первой мировой войне, М. Ферро писал, что она стала глобальным фактором силы изменения всей истории. (Fer3, p. 41). Он показал, как с начала XX в. стали разрушаться исторические структуры старой Европы, что затрагивало не только политическое устройство европейских монархий, но и традиционные представления о власти. В обществе появились идеи, обновляющие старые представления о государственном порядке через такие сферы влияния, как наука, техника, культура и мировоззрение. «Новое поколение демонстрировало изменение ценностных ориентиров, которые формировались нематериальными факторами, определенными измененным пониманием гражданства и повышением роли личных заслуг»⁶ (Fer3, p. 101). Здесь проявилось отличие подхода к описанию событий М. Ферро от подхода значительного числа историков школы «Анналов». Анализ военных событий построен М. Ферро из перспективы опыта их участников, который способствовал появлению «культурного слоя» истории войны (*guerre et cultures*). Именно этот культурный слой стал впоследствии питательной средой для формирования системы международных отношений межвоенного периода. Политики разных стран так или иначе реагировали на настроения своих соотечественников. Французы потеряли стремление к борьбе, тогда как немцы, пережившие унижение поражения, стремились к реваншу. Нацисты бесцеремонно заявляли о своих аппетитах, в то время как элиты держав-победительниц стремились к сохранению статус-кво на любых условиях, делая уступку за уступкой. Итог такого «миротворчества» известен. Таким образом, события, приведшие ко Второй мировой войне, имели не только экономические и политические корни. Социально-психологические и культурные предпосылки играли не менее заметную роль.

Для европейского социума того времени были характерны две тенденции. С одной стороны, нарастало общественное стремление к централизации, с другой – им противостояли центробежные тенденции, основанные на многочисленности этнических и национальных сообществ. Становление национального сознания

⁶ Здесь и далее перевод на русский язык наш. – И.К., В.Т., Э.К.

превратилось в главный элемент сдерживания процессов объединения и централизации политической власти в Европе. Возможно, в предшествующие века это и не имело бы такого значения, но мир вступил в эпоху, когда война стала затрагивать интересы практически всего населения, а армии стали массовыми. В этой ситуации не оставалось людей, свободных от воздействия идеологии или пропаганды. Идеологии становились средством политической организации населения. Особенностью Первой мировой войны становится внутренний раскол, в результате которого каждый француз, немец или англичанин оказался вовлечен в эпицентр военно-политических конфликтов. М. Ферро показывает, что происшедшие события затрагивали не только военных, но и гражданское население, что рождало у людей непростые вопросы, побуждало к персональному переосмыслению как «государственных» проблем, так и свершавшихся событий. Все эти явления не могли не оказывать и обратного влияния на политику.

Изучение изменения человеческого сознания под воздействием военных событий – следствие влияния феноменологии на изучение истории. Работы М. Ферро стали проявлением этого процесса, при котором происходил постепенный поворот исторического познания от структурализма к изучению мира представлений, что со временем стало общим местом не только для французской исторической науки, но и для историков других стран. Интересно провести «параллели» между такого рода представлениями М. Ферро и идеей Р. Козеллека о «ментальном» измерении истории, которые он изложил в книге «Влияние мировых войн на социальное сознание». В частности, автор выделяет чередование «синхронных» и «диахронных» факторов в описании войны. К синхронным факторам он относит переживание событий войны; переработку сознанием этих переживаний; установку на восприятие и оценку последствий войны. К диахронным факторам – темпоральную фильтрацию событий и структурирование пространства «переживания событий». «Виды привычных отношений, установки и самосознание изменяются благодаря тому, что пережито, а сам опыт перерабатывается, иногда под принуждением, иногда нет», – писал Р. Козеллек [2, S. 36].

Расхождение М. Ферро по теоретическим вопросам со значительным числом историков школы «Анналов» прежде всего касалось понятия «менталитет». Суть разногласий обозначил позже Ж.Б. Дюрозель: «Понятие коллективного менталитета школой “Анналов” является упрощенной идеологией» [1, p. 35]. И П. Ренувен, и М. Ферро отказывались признавать наличие неизменного института системы ценностей и способа мышления, оказывающего влияние на поведение больших групп людей. Возможно, заявляли они, это верно для архаичных культур, но, когда речь идет о современном обществе, приходится признать, что понятие «идеология» лучше отражает динамику изменений мира представлений людей. То, как идеология становится частью системы международных отношений, М. Ферро показывал на примере распространения модели европоцентризма (Fer4, p. 41). В этом случае в массовое сознание внедрялось понимание истории мира как истории завоевания внешних владений европейскими державами. Во всех колониях через систему образования у населения формировалось представление о превосходстве европейской цивилизации. Сама идея «прогресса» рассматривалась через призму приближения к европейским параметрам или отставания от них. В результате вся другая история, находившаяся за рамками истории институциональной, стала

рассматриваться как история «темных веков». Не случайно, считает М. Ферро, в официальной истории региональная история национальных или этнических общин вообще не может найти себе места (Fer4, p. 11).

Отсюда очевидна связь политической истории с идеологией. По этой причине крах идеологии не только приводит к изменению вопросов исследования истории, но и изменяет сами задачи истории, что чревато негативными последствиями для аналитики как внутренних, так и внешнеполитических процессов. Примером может служить непонимание иранской революции 1979 г. Запад оказался не в состоянии понять, каким образом в Иране духовенство может быть союзником буржуазии, в то время как на Западе их цели диаметрально противоположны, в силу чего с 1789 г. буржуазия Европы неизменно выступала союзником государства против духовенства (Fer4, p. 39).

Стремление к универсализму неизбежно ведет к тому, что от внимания наблюдателя ускользает всё своеобразие развития разных регионов, следствием чего во взаимоотношениях современных европейских держав и их бывших колоний и полукolonий становится взаимное непонимание. То, что хорошо для одних, становится бедствием для других. Именно это правило игнорируется сторонниками универсалистского подхода. Так, для Запада международное разделение труда стало средством дальнейшего развития и с этой точки зрения является благом. Однако с точки зрения не таких успешных стран и регионов международная торговля способствует прямому разорению целых стран, разрушает социальный уклад жизни и ускоряет процесс распада целых сообществ (Fer1, p. 445).

Другая сторона универсализма – стремление выдать часть за целое. Так, понятие «колониализм» вобрало в себя совершенно разные явления, поставив знак равенства между переселением и освоением новых территорий и империалистической политикой буржуазных держав Новейшего времени. Раздел Африки не был попыткой заселения новых территорий, это была конкурентная борьба буржуазных государств, стремившихся пресечь любую попытку соперника занять определенную территорию в будущем. М. Ферро считал, что колонизацию необходимо рассматривать как явление, которое на отдельных этапах истории не может быть отделено от империализма, являвшегося не только политикой, но и мировоззрением элит. И опять-таки в этом случае имела место игра воображения, неудача в одном империалистическом начинании компенсировалась другим: «Такая же альтернативная игра восприятия истории вырисовывается в русской империи, где в XIX веке, из-за того что она не могла больше навязывать свою волю в Центральной Европе, царь переносит свои претензии на господство на Кавказ, а затем на Дальний Восток» (Fer1, p. 25).

После крушения колониальной системы традиционный взгляд на историю подвергся критике. Как это обычно бывает, критика переходит в другую крайность, начинается отказ от официальной истории. На смену общим меганарративам приходят микроистории, которые построены на отрицании мнения о том, что колониализм может быть рассмотрен как линия развития разума и прогресса (Fer1, p. 39). Следствием этого процесса становилась политика создания новой общности людей на базе культуры, присущей метрополии. В первую очередь на базе языка как средства общения и передачи знаний. Как показывает М. Ферро, эволюция статуса национального языка проходит несколько этапов, отражая своеобразную

сторону истории колонизации. Первый этап: европейцы в своих колониях изучают местный язык для «лучшего контроля» за местным населением. Второй этап: колонисты сомневаются, стоит ли преподавать местным жителям национальную культуру, чтобы не рисковать «пробуждением» народа. Третий этап: европейцы преподают свой язык, чтобы увековечить свое преимущество в технических, экономических, политических или культурных областях. Такие культурные метаморфозы, в представлении М. Ферро, являются проявлением рационализма, созданного политической историей общества, но отраженной на уровне его культуры. Все эти примеры наглядно объясняют, почему вплоть до сегодняшнего дня колониализм прошлого не исчерпал до конца своего влияния (Fer1, p. 443).

Попытки создания идеологизированной истории чреваты негативными последствиями для реальных международных отношений. М. Ферро резко отрицательно относится к созданию таких конструкторов. Описание истории колониализма, представленное в розовом свете, с портретом колониста-труженика, который без устали сеет на захваченных территориях «плоды цивилизации» по велению Бога, он называет историей с нечистой совестью (Fer1, p. 7). Здоровому обществу нужен не косметический, а критический взгляд на прошлое, который помогает лечить «язвы» общества, а не декорировать их пустыми словами. М. Ферро был одним из тех, кто во Франции выступил против политически мотивированной интерпретации колониализма. Результатом этого выступления была петиция, поданная в 2005 г. во французский Парламент и подписанная известными французскими историками. Как заявил в интервью журналу «Уроки истории» Пьер Нора, историки понимают, что законы – очень опасная вещь, и если историк против закона о признании геноцида армян или голодомора, то это не отрицание исторических фактов, а лишь признание того, что квалифицировать данные события должен не парламент, – «это противоречит духу истории» (см. [3]). Переписывание истории по указке политиков вызвало тогда протесты во всех бывших французских колониях, начиная от Индокитая и заканчивая Магрибом. В самой Франции это привело к многочисленным выступлениям иммигрантов и столкновениям с полицией.

Рассмотренные проблемы можно дополнить новыми вопросами, которые появились в связи с глобализацией. Глобализация также побуждает к переоценке подходов в обновленном политическом, культурном, экономическом и социальном измерениях истории. Так, Экарт Конце писал: «Принципиальной проблемой, которая делает необходимым исторические исследования глобализации, является ее транснациональный и частично денациональный характер» [4, S. 45].

Сегодня историки все чаще ставят под сомнение актуальность самого понятия «Европа», которое традиционно определяло предмет исторических исследований на протяжении многих десятилетий. Конечно, «европоцентризм» подразумевает не только политический характер описания истории, но и, например, пространственную характеристику объектов исторических исследований. Так, разграничение Европы и Америки, Востока и Запада существенно облегчает выделение и изучение особенностей политики, культуры и общества, хотя это долгое время происходило в формате «общего». Вместе с тем всё чаще историки отмечают, что между Западом и Востоком в рамках самой Европы можно фиксировать значительные различия. Возможности их объяснения лежат, что подчеркивает также

и М. Ферро, далеко за рамками географических и политических особенностей. В современном измерении в понятие «европеизация» вкладывают уже совершенно другой смысл: она означает чаще развитие таких тенденций, как плюрализм, дискурсивность, диверсификация центров влияния, которые оформляют сегодня исторический процесс. Новый ракурс исследования событий, стоявших ранее на обочине анализа политики, помогает видеть разные грани истории. Так решается проблема перехода от «поверхности» изучения истории к ее «глубине», эффективность которого наиболее наглядно показывают социокультурные исследования М. Ферро.

Источники

- Fer1 – *Ferro M.* Histoire des colonisations des conquêtes aux indépendances (XIIIe – XXe siècle). – Paris: Editions du Seuil, 1994. – 525 p.
- Fer2 – *Ferro M.* Les tabous de l’Histoire. – Paris: Nil éditions, 2002. – 151 p.
- Fer3 – *Ferro M.* La Grande Guerre 1914-1918. – Paris: Gallimard, 1990. – 416 p.
- Fer4 – *Ferro M.* L’histoire sous surveillance. Science et conscience de l’histoire. – Paris: Calmann: Lévy, 1994. – 218 p.

Литература

1. *Duroselle J.-B.* Opinion, attitude, mentalité, mythe, idéologie: Essai de clarification // Relat. int. – 1974. – Т. 2. – P. 4–35.
2. *Koselleck R.* Der Einfluß der beide Weltkriege auf das soziale Bewusstsein // Der Krieg des kleinen Mannes. Eine Militärschichte von unter. – München; Zürich: Piper, 1992. – S. 35–46.
3. *Нора П.* «Историки поняли, что законы – очень опасная вещь»: Интервью с историком П. Нора; записала А. Лозинская // Уроки истории. – 2010. – 31 мая. – URL: <https://urokiistorii.ru/article/1049>, свободный.
4. *Conze E.* Nationale Vergangenheit und globale Zukunft // Geschichte ist immer Gegenwart. Thesen zur Zeitgeschichte. – Stuttgart; München: Deutsche Verlag Anstalt, 2001. – S. 43–65.

Поступила в редакцию
15.02.2022

Калимонов Ильдар Кимович, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и евразийских исследований

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Kazan-Kalimonov@mail.ru

Туманин Виктор Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и евразийских исследований

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: v.tumanin@mail.ru

Камалетдинова Эльвира Имбелевна, ассистент кафедры регионоведения и евразийских исследований

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: elvira-imoiv@mail.ru

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2022, vol. 164, no. 3, pp. 29–36

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.29-36

Marc Ferro and the French School of the History of International RelationsI.K. Kalimonov^{*}, V.E. Tumanin^{**}, E.I. Kamaletdinova^{***}

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: ^{*}Kazan-Kalimonov@mail.ru, ^{**}v.tumanin@mail.ru, ^{***}elvira-imoiv@mail.ru

Received February 15, 2022

Abstract

This article focuses on an interesting aspect of the scholarly career of Marc Ferro, one of the most famous French historians of the 20th century. He was not only the editor-in-chief of the *Annales*, but also the co-editor of the *Journal of Contemporary History*, which encouraged him to attempt experiences beyond the traditional scope of the *Annales*. Historians who published their findings in the *Annales* were either medieval or modern history researchers, i.e., they believed that contemporary history provides no suitable material for historical studies. Thus, M. Ferro was a pioneer of the study of the modern history of France. In addition, as a disciple of Pierre Renouwen, he actively developed the history of international relations. P. Renouwen and M. Ferro, unlike most historians of the *Annales* School of History, held to the critical assessment of the role of mentality in historical change. Here we discuss their approach to the study of the world of perceptions as a factor determining the dynamics of change in the world of people's perceptions and its reflection in the changing international situation. Based on an analysis of the works of these historians, it is concluded that a shortcoming of the traditional approaches of the *Annales* School is the desire for universalism, which became a source of misunderstanding of many contemporary processes that the West deals with in the former colonial countries.

Keywords: international relations, foreign regional studies, M. Ferro, *Annales* School, history of historical science, Eurocentrism

References

1. Duroselle J.-B. Opinion, attitude, mentalité, mythe, idéologie: Essai de clarification. *Relations internationales*, 1974, T. 2, pp. 4–35. (In French)
2. Koselleck R. Der Einfluß der beide Weltkriege auf das soziale Bewusstsein. In: *Der Krieg des kleinen Mannes. Eine Militärschichte von unten*. München, Zürich, Piper, 1992, S. 35–46. (In German)
3. Nora P. “Historians have learned that laws are a very dangerous thing”: An interview with historian P. Nora. Rec. by Lozinskaya A. In: *Uroki istorii* [Lessons of History], 2010, May 31. Available at: <https://urokiistorii.ru/article/1049>. (In Russian)
4. Conze E. Nationale Vergangenheit und globale Zukunft. In: *Geschichte ist immer Gegenwart. Thesen zur Zeitgeschichte*. Stuttgart, München, Deutsche Verlag Anstalt, 2001, S. 43–65. (In German)

Для цитирования: Калимонов И.К., Туманин В.Е., Камалетдинова Э.И. Марк Ферро и французская школа истории международных отношений // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 3. – С. 29–36. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.29-36.

For citation: Kalimonov I.K., Tumanin V.E., Kamaletdinova E.I. Marc Ferro and the French School of the History of International Relations. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 3, pp. 29–36. doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.29-36. (In Russian)